

18. Съезд представителей Министерства земледелия при губернских земельных комитетах // Дело народа. – 1917. – №116 (2 августа). – С. 2.

19. Церетели, И. Воспоминания о февральской революции: В 2 кн. – Кн. I. / И. Церетели. – Париж: Mouton, 1963. – 492 с.

В.М. Рынков

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЛАГЕРЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ДВА ПУТИ РЕШЕНИЯ АГРАРНОГО ВОПРОСА

Проаналізовано аграрну політику антибільшовицьких режимів. Всі вони були змушені легалізувати землі, самочинно захоплені селянами. У визначенні перспектив вирішення аграрного питання окреслилися два підходи: муніципалізація землі з майже безоплатною ліквідацією великого приватного землеволодіння і викуп поміщицької землі за помірну плату в розстрочку.

Ключові слова: антибільшовицький рух, Громадянська війна, аграрне питання, поміщики, викуп.

The article analyses agricultural policy of antibolshevik regimes. All of them had to legalize land occupancy that had taken place in Russia. There were two ways of defining the decisions' perspectives of agrarian question – land municipalization with liquidation of large-scale private land holding almost without any compensations and landowners' lands' buyout at a moderate charge by installments.

Key words: antibolshevik movement, the Civil war, agrarian question, landowners, buyout.

В период революции и последовавшей за ней Гражданской войны начался «черный передел», о котором так долго мечтали крестьяне. Он «смел» главный результат столыпинской аграрной реформы. Значительная часть хуторов и отрубков была возвращена в общинное пользование явочным порядком. Но при этом ускоренными темпами реализовывалась другая задача столыпинских преобразований: крестьянское землепользование увеличилось за счет захватов и включения в общинные наделы помещичьих, хуторских и казенных земель, причем произошло это без отвращения средств крестьян на оплату земли.

В данной статье советский опыт аграрных преобразований, основным содержанием которых были легализация аграрной революции и меры по стимулированию коллективных хозяйств, оставлен за рамками анализа. Это линия аграрной политики власти была реализована в результате победы большевиков в Гражданской войне. Попытки поиска альтернатив развития связаны с антибольшевистским движением, которое оказалось в крайне сложном положении и не имело большого пространства для маневра. С одной стороны, пришлось считаться со сложившейся ситуацией, не позволявшей проигнорировать произошедшие стихийно или организованные советами земельные захваты и переделы земли, а с другой – появилась не только возможность, но и необходимость для разработки небольшевистских путей решения аграрного вопроса.

При изучении антибольшевистского движения поражает многообразие политических форм его организации, наличие на окраинах Российской империи множества правительств, существовавших параллельно в соседних регионах или сменявших друг

друга на одной и той же территории. На первый взгляд, столь же разнообразными оказались меры по урегулированию аграрного вопроса. Но центральной проблемой стало право собственности на землю и определение статуса земель, подвергшихся революционным захватам.

Находившийся в Поволжье в июне–сентябре 1918 г. Самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), эсеровский по своему составу, заявил о признании в целом закона Всероссийского учредительного собрания о социализации земли. Эсеровское правительство не спешило определять порядок проведения социализации в перспективе, полагая, что вправе осуществлять лишь текущее регулирование. При этом оно руководствовалось принципом трудового землепользования. Приказ Комуча № 124 от 22 июля 1918 г. провозгласил, что в наступившем сельскохозяйственном сезоне урожай должен принадлежать тем, кто произвел посев и обработку земли, будь то частный собственник, в том числе крупный, или захватившие частные угодья крестьяне [1, 32–34]. Более того, законодательство Комуча обязало местные земельные комитеты (которые в Поволжье не прерывали своей деятельности) предоставить «захватчикам» частной земли частный же инвентарь для ее обработки. В то же время, если у владельца посевов отняли сельскохозяйственную технику и орудия производства в процессе земельного передела, то земельный комитет обязан был обеспечить их возврат в размере, достаточном для завершения сельскохозяйственных работ.

Комуч потерпел военное поражение от Красной армии и был осенью 1918 г. изгнан из Поволжья. Но возглавляемое военными антибольшевистское движение на Востоке, Севере и Юге России имело сходную повестку разрешения аграрного вопроса. Временное Сибирское правительство, находившееся у власти с июля по октябрь 1918 г. провозгласило в постановлении от 6 июля 1918 г. принцип восстановления частной собственности. Но и этот нормативный акт содержал оговорку, что если пользователь незаконно произвел на занятой им земле сельскохозяйственные работы, он должен либо получить за них материальную компенсацию, либо возможность собрать урожай. То есть на текущий сезон принцип компенсации трудозатрат получил приоритет перед принципом восстановления собственности. Земли «культурного назначения» передавались в управление земствам, которые создавали своего рода муниципальные образцово-показательные хозяйства.

В апреле 1919 г. Российское правительство адмирала А. Колчака пролонгировало право пользования захваченными землями на следующий сельскохозяйственный год. С целью предотвращения сокращения посевных площадей правительство известило, что занявшие чужую частную землю крестьяне могут в заявительном порядке обеспечить себе легальное право на ее обработку на текущий год. Российское правительство озаботилось созданием правовых механизмов для разрешения аграрного вопроса в будущем. Поэтому все земли, которые перешли от владельцев к крестьянам, в случае легализации захватов путем заявления на обработку, должны были зачисляться в особый

государственный фонд и передаваться захватчикам на правах аренды. Однако был предусмотрен широкий перечень исключений. В частности, так называемые культурные хозяйства, земли, необходимые промышленным предприятиям для развития производства, а также обрабатываемые преимущественно трудом самих владельцев, подлежали возвращению прежним владельцам. Закон не оговаривал размер арендной платы за обработку чужих участков земли, но, как известно из подготовительных документов, она не должна была превышать причитающихся за обработанный участок поземельных налогов.

Верховное управление Северной области к решению земельного вопроса подошло более тщательно. С середины октября до конца февраля происходило обсуждение в рамках специально созданного Совещания по вопросам землевладения и землепользования. Ключевой закон «О расчистках в Архангельской губернии», принятый 13 января 1919 г., учитывал северную аграрную специфику и базировался на уважении трудового принципа землепользования. При господствовавшем здесь типе хозяйствования основные трудозатраты шли не на обработку земли, а на ее подготовку к посеву путем расчистки от леса. Поэтому споры о земельных захватах решались в пользу того, чьим трудом расчищался участок. Расчистки признавались наследственными в пределах трудовой нормы. Старопахотные же земли распределялись земством по уравнительному принципу, независимо от того, общинные или частные они были в прошлом. Но осуществлявшие революционные захваты расчисток крестьяне были крайне недовольны этим законом, и он практически не работал. 25 июля 1919 г. Временное правительство Северной области, пришедшее на смену Временному управлению, отложило применение закона о расчистках, позволив собрать урожай с захваченных земель нелегальным пользователям [2, 124–131].

На юге России правительственные органы различных государственных образований выдвинули несколько вариантов решения аграрного вопроса. Они предусматривали частичный или полный выкуп частных земель за государственный счет. Положение о частновладельческих землях, принятое 7 сентября 1918 г. Войсковым кругом Всевеликого войска Донского, предполагало отчуждение в пользу войска всех частновладельческих земель, за исключением мелких участков. При этом унаследованные и полученные по дарственным земли отчуждались безвозмездно, а приобретенные оплачивались по покупной стоимости. Владельцы отчуждаемых безвозмездно земель, если они не имели других источников дохода, принимались на полное обеспечение войска. На территории войска устанавливались две формы землепользования: общинная в качестве основной, и участковая (хуторская) как альтернативная [3, 422–424]. Кубанская законодательная рада 2 сентября 1919 г. приняла аналогичный закон об образовании Краевого земельного фонда. Единственным существенным дополнением к донскому варианту земельного законодательства стало признание, что все земельные улучшения, произведенные последними собственниками отчуждаемой земли, должны

компенсироваться из средств кубанской краевой казны [3, 422–473].

Генерал А. Деникин попытался в своем законодательстве совместить два трудно соединимых принципа – уважение прав частных собственников и признание, легализацию результатов революционных земельных захватов. Еще в марте 1919 г. он поставил перед Особым совещанием при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России задачу подготовить проект о передаче крестьянству, прежде всего малоземельному, земель, принадлежавших казне и помещикам, но за вознаграждение, размеры которого пока не устанавливались. Окончательное решение по данному вопросу так и не было принято, но постановление Особого совещания от 26 июня 1919 г. разрешало крестьянами использовать частные земли в текущем году при условии уплаты 1/3 урожая или их денежного эквивалента в качестве аренды [4, 474–475]. 21 сентября 1919 г. Особое совещание пролонгировало право использования самовольно занятых крестьянами и целыми крестьянскими обществами частных земель на следующий 1920 г. с понижением оплаты до 1/5 урожая [4, 677–678].

В финале «белой эпопеи» правительство Юга России под руководством генерала П. Врангеля наметило свой вариант перспективного решения аграрного вопроса. Он решил осуществить закрепление навечно частновладельческих земель за крестьянами на правах частной собственности. Цена земли была определена в натуральных единицах как пятикратный средний годовой урожай, который подлежал уплате в рассрочку за 25 лет равными взносами в 1/5 ежегодного урожая либо его денежного эквивалента. До погашения взноса крестьяне считались арендаторами земли [3, 633]. Как некогда при отмене крепостного права, государство выступило в качестве посредника и гаранта выкупной сделки. Верные идеалам столыпинской аграрной реформы, законодатели исключили из числа подлежащих отчуждению земель столыпинские хутора, а все передаваемые крестьянам земли должны были оформляться в личную собственность. Даже те поместья, на которых при советской власти успели организовать государственные или коллективные хозяйства, могли перейти крестьянам только при условии их раздела на личные участки. Таким образом, одним из ключевых лейтмотивов аграрной реформы П. Врангеля стал курс на мелкое частное аграрное предпринимательство и искоренение коллективных форм хозяйствования.

Очевидно, существовало два уровня решения аграрного вопроса в антибольшевистском лагере – текущее регулирование и нормы, рассчитанные на перспективу. Независимо от политико-идеологических пристрастий, сущность действий, нацеленных на снижение аграрных противоречий в текущем сельскохозяйственном сезоне, отличаясь в нюансах, имела принципиальное сходство. Все они предполагали временное признание прав крестьян на захваченные в ходе земельного передела земли и робко предлагали компенсировать владельцам часть из затрат на обработку земли в текущем сезоне, в большинстве случаев исходя из признания не права собственности, а произведенных затрат. Причем эта мера, введенная на ряде территорий в 1918 г.,

підтверджена і в 1919 г. на більшості підчинених контрреволюції територій. Найбільше практично реалізуємі шаги були нащупані ще сestoявшим із соціалістів Комучем летом 1918 г. К аналогічним діям поже винуждені були прибегнуть і остальні політичні режими, в том числі і находившіся на протиположних Комучу консервативних політичних позиціях.

Перспективне видення было разным і демонструвало спектр підходів, несмотря на то, что все их разработчики в историографии заслужили характеристики продолжателей дела столыпинских аграрных преобразований. Два наиболее четко обозначенных способа регулювання – казачьи земли на юге России и врангелевская «земельная реформа. Первый предусматривал ликвидацию крупного частного землевладения и муниципализацию земли с сохранением мелкого, исключительно трудового (хуторского) землевладения. Второй не только предлагал возмездный путь ликвидации крупного землевладения, но и одновременно провозглашал уничтожение всех ростков коллективных форм хозяйства, как вредных. Примечательно, что неприкосновенность трудового (участкового) землевладения и готовность взять под защиту трудовую (обрабатываемую личным трудом членом семьи) часть крупных хозяйств сближала всех оппонентов большевистского режима. Важно также подчеркнуть, что рассчитанные на перспективу шаги практической значимости не имели. Реализованными оказались лишь действия, направленные на легализацию произошедших в ходе аграрной революции переделов.

1. Приказы Комуча. – Самара, 1918.
2. Саблин В.А. Аграрная революция на европейском Севере России. 1917–1922 гг. – Вологда, 2002.
3. Пионтковский С. Гражданская война в России: хрестоматия (1918–1922 гг.). / С. Пионтковский – М., 1925.
4. Журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918 – декабрь 1919 гг. – М., 2008.

В.Ф. Солдатенко

ЧИННИК «УКРАЇНСЬКОГО ХЛІБА» В ГРОМАДЯНСЬКІЙ ВІЙНІ (1917 – 1920 РР.)

Громадянські війни, зокрема й та, що втягнула у свій вир український народ на одному з переломних рубежів історії – феномени надзвичайно складні й багатогранні. Вони інтегрують і «переплавляють» у собі велетенське різноманіття чинників, кожен з яких тією чи іншою мірою впливає на перебіг подій та їх кінцевий результат.

Серед таких важливих складових, які органічно «вплетилися» у контекст воєнно-політичних процесів у 1917–1920 рр., виявилася продовольча проблема, яка в концентрованому («образному») вигляді іменувалася як проблема хліба.

Україна, як відомо, була на початку ХХ століття «житницею Європи», і від того, як і хто міг скористатися й скористався життєво необхідними для ведення затяжних, масштабних воєнних дій її значними продовольчими ресурсами (зернові злаки – харчові й

фуражні – посідали в них дійсно домінуюче місце), залежали суспільні вектори не лише української нації, а й її сусідів, почасти й не лише ближчих.

З початку Першої світової війни, коли торгівля хлібом припинилася (вона до того здійснювалася переважно через південні порти), в Україні, попри зрозуміле падіння продуктивних сил, рівня суспільного виробництва, йшло накопичення нереалізованого продукту, що мав порівняно довгий (принаймні не однорічний) термін зберігання. Відтак, зокрема, російська армія проблем з харчуванням (хліба що через недбалість, нерозпорядливість воєнних і тилових властей) не мала.

Після падіння самодержавства виявилася відмінність у розвитку суспільних процесів на загальноросійському і регіональному (українському) рівнях. Зокрема, симптоматичною виявилася реакція керівництва Української революції, яке хоча і сповідувало народоправчі та федералістські програми, залишалось на поміркованих позиціях і насторожено зустріло офіційні повідомлення інформаційних агентств про спробу більшовиків на початку липня 1917 р. здійснити військовий переворот, повалити Тимчасовий уряд. Голова Генерального секретаріату В. Винниченко надіслав до Петрограда телеграму з неприкритими побоюваннями щодо можливого приходу до влади РСДРП(б). Він запропонував, зокрема, «здійснити тиск на Петроград, показавши більшовизму, якщо він восторжествує, що українська демократія не на його боці... Ми можемо припинити посилання хліба, – погрожував В. Винниченко. – Крім того, ми можемо здійснити відторгнення України не від Росії, а від дезорганізаційного уряду, якщо таким стануть більшовики» [1, 152].

Як добре видно, тут український хліб виступає в ролі ймовірного знаряддя в майбутньому соціальному протистові. І таке передбачування невдовзі набрало достатньо реальних обрисів і практичного втілення.

В умовах конфлікту, що вибухнув між Раднаркомом Росії і Українською Центральною Радою, остання серед заходів боротьби оперативно визначила закриття кордонів і припинення вивезення хліба. Так, на засіданнях Генерального секретаріату 29–30 листопада 1917 р. на доповідь С. Петлюри було обговорено заходи, яких мало «вжити Військове секретарство, аби припинити самовільне вивезення хліба з України» [2, 486–487].

Буквально через кілька днів було одержано телеграму керуючого державним банком Росії В. Оболенського (Осинського) і його заступника Т. Пятакова про припинення перерахувань коштів у Київський державний банк. Причиною визначалось роззброєння частин Червоної гвардії і висилка їх за межі України. Заслухавши на засіданні 4 грудня «Маніфест до українського народу з ультимативними вимогами до Української Ради» і згадану телеграму, Генеральний секретаріат ухвалив: «Продовольчі наряди на Великоросію припинити, а одпускати лише за готівку, причому третя частина вартості продовольчих грузів повинна сплачуватись золотом. Сповістити західну і північну армію, що їм так само одпускатися хліб буде на таких же умовах; армії мусять подбати, щоб хліб за адресами і не був перехоплений в Петрограді» [2, 498 – 499]. Тоді ж було вирішено